

Василий Аксёнов и Казань

послесловие

30

У НЕМАЛОГО числа писателей есть, по словам нашего поэта-земляка Юрия Макарова, «голубая своя колыбель», или, как принято говорить, малая родина. Да, тянут писателей к себе большие столицы с множеством газет и журналов, с издательствами, библиотеками, продвинутой публикой... Французы верно заметили: «Поэты рождаются в провинции, а умирают в Париже». Но если физически они, бывает, подолгу не возвращаются на землю предков, то в творчестве с «колыбелью своей», какой бы неоднозначной она ни была, не порывают.

Вот и в творчестве нашего земляка Василия Аксёнова родная Казань не забывается. Она возникает в разные периоды творческого пути писателя. И особенно масштабно – в его последнем труде «Ленд-лизовские. Lend-licasing».

Мемуаров от него давно ждали. Ясное дело, с кем только он ни общался, где только ни бывал, чего только ни видывал – интересно же узнать всё из первых рук! Кое-что в этом плане у него уже было. Например, роман-воспоминание «Таинственная страсть» – о друзьях-писателях 1960-х. Для своего же последнего романа Аксёнов взял события казанского детства. Мемуары он вообще-то не переваривал, да и к реалистической прозе большой любитель и знаток джаза со временем стал относиться, как к чему-то написанному по нотам и скучному. Тем не менее, начинаем читать первую часть «Ленд-лизовских», и вот перед нами – роман-биография. И главное действующее лицо – он сам, юный Аксёнов Василий, в романе – третье лицо, мальчик Акси-Вакси.

Хотя действие романа и происходит в Казани и его предместьях, Аксёнов, следуя приёмам жанра, называет наш город трамвайным городищем Булгары. Он многое меняет в названиях. Например, «Чёрное озеро», где расположились и парк, и озерцо, и каток зимой, и здание органов внутренних дел, называет то Бездонным озером, то Глубоким, то Глубинным... Имена тоже зачастую меняются (Аксёнов – Ваксонов, Водопьянов – Мясопьянов, Жеребцов – Аргаматов).

Но реалии берут своё. И вот уж вместе с героем романа в тыловом городе, переполненном беженцами, эвакуированными, фронтовиками на излечении, мы разгуливаем по улицам Карла Маркса, Комлева, Лобачевского, Подлужной... мимо дворца Сандецкого, мимо строящегося театра оперы на площади Свободы, заходим в парк им. М. Горького, катаемся на каруселях «Чёрного озера», даже заглядываем в городскую баню № 4 на Большой Красной... А то отправляемся на Волгу, Свяягу, Казанку или на «уединённый пляжик на курортном казанском островке Маркиз, что на несколько вёрст ниже по течению великого водного потока Итиль...»

Для казанского старожила вся эта топонимика – не пустой звук, всё узнаваемо, всё вызывает свои воспоминания и ассоциации, как и близлежащие Свяяжск, Моркваши, Услон...

К концу первой части книги Аксёнов уже называет наш город поясняюще «Казань-Булгары», а под самый конец, для полного сближения с действительностью –

просто Казанью, без Булгар. Кстати, Булгары вместо Казани – это не авторская придумка, ведь было время, когда после разгрома Великих Булгар Казань называли Яңа Булгар (Новый Булгар).

Понятно и присутствие в романе татарских имён и фамилий – Равилька Мухаметзянов по прозвищу Муха, дядя Искандер, пролетарии Касимовы, соседка Фатима, однокашник (будущий академик) Сагдеев, девочки Нэлка Гибайдуллина, Зухра, Алсу...

Конкретной привязкой к месту служат и татарские словечки. Читаем: «Осенью я сделал несколько попыток разжиться «таньгой», то есть деньгой».

Да, слово «деньга» татарского происхождения. Открываю русско-татарский словарь под редакцией профессора Ф. А. Ганиева и слова «деньга» не обнаруживаю. Множественное число – «деньги» – есть, а единственного, как положено словарю, нет. А вот в академическом издании «Словаря русского языка» и толковом В. И. Даля – пожалуйста. И примеров масса: «Деньга и камень долбит», «Не было ни деньги, да вдруг алтын». А точное значение слова «таньга» («тәңкә») – монета, рубль,... одним словом, деньга. И Аксёнов употребляет это слово и на татарском, и на русском со знанием дела.

Но минуем опознавательные знаки произведения и выйдем на столбовую дорогу повествования.

Роман потрясает несколькими главными темами. Одна из них – ужасающий голод военных лет. Эта тема начинается с первых же страниц романа:

«Дай мне руку, и идём. В нашем районе открыты питательные пункты. Мне выданы талоны!» – горделиво воскликнула тётя Котя. «...» Вместо того чтобы растянуть эти свои талончики на две недели, она собрала всё семейство и двинулась в «Пассаж», под стеклянной крышей которого как раз и располагался основной питательный пункт. <...> В меню было одно блюдо – «горячий суп с капустой». Отнюдь не щи и уж тем более не борщ. <...> «Суп» обладал удивительной зеленоватой прозрачностью, потому что в нём не было никаких питательных добавок: ни картошки, ни крупы, ни свеклы, не говоря уже о мясе или масле. <...> Иными словами, питательный состав был близок к совершенству: горячая вода с кусками капусты.

Мы <...> покончили со своей едой, не вдаваясь в подробности. Миски и ложки у нас тут же отобрали и показали нам всем на выход. Запомнилось ощущение горячей тяжести в желудке.

«Хоть и противно, а всё-ш-таки полезно», – сказала тётя Ксения.

Вокруг среди выходящих повторяли популярную фразу тылового кошмара: «Жить можно».

«По крайней мере, сегодня», – дерзковато хохотнула школьница Шапиро.

<...> Пытаясь вспомнить сейчас страшную голодную зиму 1941–42-го, мне кажется, что мы, тогдашние дети, подсознательно испытывали ощущение полной заброшенности.

<...> К 1943-му положение немного изменилась к лучшему».

Тут появляется вторая тема, одноимённая с названием всего романа, – Ленд-лизовская, то есть продовольственная и вещевая помощь союзников.

«По продовольственным карточкам стало возможным иногда получать невиданные доселе продукты: белое мягкое (для намазывания на хлеб) сало – лярд, яичный порошок для омлетов или просто для посыпки поверх сала, мясные консервы, ветчинные консервы с ключом на мягкой металлической ленточке, сгущённое молоко, сухое молоко в пакетах с непонятными английскими надписями, пакетики чаю на одну заварку... и т. д.

Поставки продовольствия в рамках lend-lease (в-долг-с-рассрочкой) не только уберегли миллионы детей от истощения и рахита, они также подняли общее настроение. Еда прибывала к нашим желудкам, в общем-то, в мизерных количествах, однако народ вроде бы стал понимать, что он не одинок, что о его детях пекутся в далёких странах, как тогда говорили, «свободолюбивого человечества».

Хотя половина морских конвоев шла ко дну, а уцелевшие моряки Англии, Америки, Канады, Австралии... в советских госпиталях теряли руки, ноги, фрагменты лиц... повальный голод всё-таки был отодвинут.

Вместе с «глобальными поставками» продуктов осаждённая страна получала и вещевые посылки граждан свободного Запада. Акси-Вакси вдруг был ошарашен невиданными по красоте и качеству ботинками.

«...Я переворачивал их подошвами вверх и глаз не мог оторвать от неслыханных подошв, на внешней стороне которых, на обеих, во всю ширину красовались рельефные отпечатки герба Британской империи.

Эти гербы убедили меня, что я, полуоборванец в свалывшихся валенках и потрескавшихся галошах, не имею ни малейшего права щеголять в таких ботинках». (По ходу романа главный герой Акси-Вакси начинает выступать и в первом лице тоже – полнейшее единение автора со своим героем.)

История эта завершилась тем, что Акси-Вакси отдал заморские ботинки тётке, и та отнесла их на толкучку. На полученные деньги купили «пакет яичного порошка, банку сала, две банки тушёнки, три баночки сладчайшей сгущёнки и три кирпичика ржаного хлеба. Семья воспряла...»

После проеденных ботинок появился ещё один заокеанский подарок – «штаны из Штатов!» «Тёмно-голубые жёсткие штаны...» Слова «джинсы» тогда ещё в обиходе не было, но качество было отменное. Штаны эти «обладали особыми свойствами: с течением времени они приобретали формы хозяйских ног, а если вы повисните на чугунной пике городского парка, не паникуйте – выдержат!»

Их-то уж Акси-Вакси ни на какие продукты не поменял, носил до заплат.

Третья тема – ужас на ужасе!

Когда Акси-Вакси не было и пяти лет, его родителей арестовали.

«Мама пропала в феврале. Ей позвонил майор Веверс, так я слышал от отца. Товарищ Гинз (Лидия Гинзбург. – *Прим. автора*), я был бы вам очень благодарен, если бы вы нашли время заглянуть к нам на Бездонное озеро. В любое время, хотя бы даже сегодня.

<...> В начале июля пропал отец.

<...> В конце июля приехала опермашина за Акси-Вакси. В большущей квартире все комнаты были уже запечатаны, кроме детской, где ребёнок ютился вместе с двумя русскими старухами, Евфимией и Авдотьей».

Поясню. Большая квартира осталась после ареста отца Акси-Вакси – председателя Казанского горсовета.

«Явились трое: два толстозадых дядьки и одна толстозадая тётка... Стояла летняя светлая ночь. Старухи выли в голос, провожая единственного дитя».

И далее:

«Эпоха была характерна огромными детскими спальнями. Проснувшись, я уже не мог уснуть... Вокруг истерически бесновались старшие дети. Все они, как и я, были детьми врагов народа... Я боялся вылезти из-под одеяла. Сосал хвостик последнему домашнему животному – набивному слону».

<...> Часами он стоял перед огромными окнами, кое-где заколоченными фанерой. Подсвистывал ледяной ветерок. Высокие своды монастырской церкви ещё сохранили не вполне затёртые лики святых. Дядя Сталин улыбался с картины, держа на руках свою Мамлакат в матроске...»

Площадкой для прогулки детей служило монастырское кладбище, которое рас-

чищала от снега «какая-то команда» в ватных штанах под охраной красноармейца со штыком наизготовку.

За ним сюда, в детдом в «Коросте» (Костроме. – *Прим. автора*), добившись специального разрешения, приехал дядя, Адриан Васильевич Аксёнов. Малыш принял его за папу. Читать всё это непросто. Дядя ведёт племянника через чёрно-белое кладбище-сад. Торопит, чтобы всё это поскорее осталось позади и навсегда скрылось.

Таким образом, Акси-Вакси оказался опять в Казани, только уж не в большой квартире на Комлева, а в «бывшей усадьбе инженера Аргамакова» на Карла Маркса, в которой «процветала коммунальная квартира».

В этой коммуналке Акси-Вакси в годы войны вспоминал свою бывшую огромную квартиру со счастливыми отцом-матерью и глубокой тарелкой манной каши, которую тогда отказывался есть.

Только к 1943 году мальчик начинает задумываться: как же это его выдающийся папа и прекрасная мама оставили хоромы из шести комнат, служебный автомобиль и, главное, любимого сына, и отправились в какую-то бесконечную полярную командировку?!

Ответ на эти вопросы даёт не только тёткин сундук с разными родительскими вещами, документами и газетой с материалами о судебном процессе по делу группы предателей Родины во главе с бывшим председателем горсовета Казани... Невозможно без содрогания читать о двух свиданиях Акси-Вакси с отцом. Однажды родная тётка повлекла его за собой... Оказывается, неожиданно НКВД дало разрешение на свидание с заключённым – её братом и отцом мальчика. Проходя по площади Свободы, она кивнула горделиво в сторону будущего оперного театра в строительных лесах: «Твой папка начал его возводить!»

Свидания они дожидались целый день до вечера в парке «Бездонное озеро», на берегу которого тянулось длинное трёхэтажное здание, поглотившее его родителей.

При первом свидании Акси-Вакси забыл или не понял, где находится. Отец был во френче без ремня, с сорванными карманами и под конвоем. Но это мальчика не остановило, он бросился к папе, ликуя и просясь к нему на плечи: «Папка, покачай меня на верблюде!» Дома отец катал на плечах по большой квартире сына, который держался за отцовы уши. Но здесь был не дом. Тем не менее он поднял Ваксика на плечи и пошёл поступью верблюда. Конвоиры мрачно следили за ними, попыхая «казбечинами».

На втором свидании Акси-Вакси сначала и не узнал отца, превратившегося в ободранного, «исхудавшего доходягу». Тот не удержался от слёз, затем «протянул к сыну грязные руки, и мальчик отдал ему свои ладошки».

Такие вот непридуманные сцены.

Врезалось в память признание Героя Советского Союза, 22-летнего старлея ВВС Льва Бурмистрова, проходившего в Казани курс реабилитации после ранения. Он влюбился в сводную сестру Акси-Вакси – Майю Шапиро. И вот за неделю до возвращения на фронт молчаливого лётчика-героя прорвало: «Я боюсь, что больше тебя не увижу. Что ты меня не увидишь. Что мы друг друга больше не увидим. Боюсь страха. Всё, что пережил во время ранения, никогда не забуду. Можно ли летать со страхом? У нас говорят, что в Люфтваффе созданы специальные группы для охоты за советскими асами. Погибаю, Майка, просто погибаю от ужаса войны».

Соколик улетел. После месяца молчания, на имя невесты пришло извещение о том, что её жених «погиб в бою с превосходящими силами противника».

Василий Аксёнов показывает войну во всей её неоднозначности. И героям было присуще чувство страха, и нацистской Германии противостояли не одни мы, а всё «свободолюбивое человечество»...

Роман, конечно же, не ограничивается темами голодного детства его главного героя в годы войны, пребывания в спецдоме для детей врагов народа, казанского сиротства при живых родителях... Здесь и своеобразная дворовая жизнь тех лет, и пионерлагерь, и парк с танцплощадкой, и городские кинотеатры «Электро», «Унион», «Вузовец», и первое свидание... Понятно, детство, с какими бы суровыми годами не совпадало, угрюмым не бывает.

Из первой части романа я узнал, что Василий Аксёнов в малолетстве два раза тонул – на Казанке у Коровьего моста и во время шторма на слиянии Свияги с Волгой. Оба раза его благополучно спасали. Эти реальные события в жизни писателя даны подробно и с большой художественной силой. Реализм Аксёнова в «Ленд-лизовских» развернулся на полную мощь. На мой взгляд, повествование гораздо сильнее тут, чем при фантазмагориях, присущих немалому числу его произведений.

Однако, как уже говорилось, Аксёнов тяготился реализмом, человек джазового характера стремился к свободе письма, импровизации, прорыву из устоявшихся литературных жанров. Во второй части вся эта авторская вольница и начинается. Начинается и заканчивается. Роман этот Аксёнов завершить при жизни не успел. Заметим, однако, что приключения и фантастика второй части навеяны «славной школьной книгой «Кондуит и Швамбрания», написанной Львом Кассилем совместно с его младшим братом Осей». Аксёнов признаётся: «Очень мало осталось в памяти от этой книги, однако кое-что зиждилось...» С воспоминаний о «Кондуите и Швамбрании» вторая, приключенческая, часть книги и начинается.

Но мы как раз тут рассматриваем не фантастические повороты, не полёты творческого воображения писателя, которых в его книгах немало. Тема нашего разговора конкретна: Василий Аксёнов и Казань. И она, эта тема, шире одного романа, каким бы он объёмным и глубоким ни был, пусть и по большому счёту одночастным.

Не могу в этом отношении не вспомнить слова уважаемого Дмитрия Быкова, утверждавшего в предисловии к книге «Ленд-лизовские», мол, Аксёнов взялся за повесть о казанском детстве – единственном периоде его жизни, о котором не написано у него ни строки, если не считать гениальных «Завтраков 43-го года». И в том же материале: «...Он не прикасался к казанскому опыту военных лет не потому, что боялся растревожить рану, а потому, что берёт этот материал на крайний случай».

Как я понимаю, «Ленд-лизовские» и есть тот «крайний случай». Получается, Аксёнов знал, что это его последнее произведение? Удивительные выводы!

Ничего-то Аксёнов не держал про запас! Да и как это о казанском детстве «не написано у него ни строки»?!

А самый известный «казанский» рассказ «Зеница ока» (1960–2004)?! Его можно назвать предтечей, а то и квинтэссенцией романа «Ленд-лизовские». В нём, кстати, некоторые вещи описаны подробнее. Например, тёткин сундук, содержимое которого многое прояснило в жизни кочующего из произведения в произведение образа «казанского сироты». Или допросы с пристрастием, при которых его отец лишился глазного протеза. В рассказе он поведал сыну: «После первого же удара в лицо там, на «Буром овраге», протез вылетел и покатился по паркету. Лёжа на полу, я видел, как хромовый сапог раздавил глаз». Отец рассказал сыну, как лишился и своего, живого, глаза. Это было ещё в Гражданскую войну при форсировании Сиваша.

Некоторые эпизоды в романе, можно сказать, просто списаны с рассказа. Посудите сами. В рассказе:

«После оглашения приговора конвой повёл его по коридору клуба им. Менжинского на посадку в «воронок». И вдруг эту процессию обогнала крохотная ста-

рушечка, не кто иная, как его родная матушка Евдокия Власьевна Збайковичева. Забежав вперёд, она повернулась и осенила его крестным знамением:

– Не бойсь, Павлушка, ничего не бойсь! – вскричала она прежде неведомым мощным голосом. – Без Божьей воли ни один волосок не упадёт с головы человеческой!»

Позже в романе:

«По приговору суда Павлуша получил высшую меру без права обжалования. Чекисты вели уже его к фургону для отправки в камеру смертников, когда из толпы перед ним выскочила матушка, Евдокия Васильевна, рождённая ещё при крепостном праве.

– Пашка, не бойсь! – пронзительно закричала она и осенила его крестом. – Ни один волос не упадёт с головы без воли Божьей!»

Правильней, конечно, сказать: не в романе использован эпизод из раннего рассказа, а оба эти эпизода списаны с действительности.

А рассказ «Три шинели и нос» (1996), а «На площади за рекой» (1967), а «Рыжий с того двора» (1975), а повесть «Свяжск» (1981)?.. Не говорю уж об упомянутых «Завтраках 43-го года» (1962).

В рассказе «Рыжий с того двора» не иносказательно говорится:

«Мы жили во время войны в Казани, на улице Карла Маркса, бывшей Большой Грузинской, напротив туберкулёзного диспансера, бывшего губернаторского дворца, в большом деревянном доме, бывшем особняке инженера-промышленника Жеребцова».

«Рыжего с того двора» мы опубликовали в первом номере «Казанского альманаха». Рассказ посвящён друзьям детства, в том числе – Рустему Кутую, впоследствии – известному казанскому писателю. Когда в 2000 году на Всемирном конгрессе писателей в Москве я познакомился с Василием Павловичем, как раз от Кутуя и передал ему привет.

И Аксёнов, и Кутуй родились на одной казанской улице – Комлева (ныне – Муштари). Кстати, и я на этой улице родился и жил, и работал потом в Союзе писателей и редакции журнала «Идель», расположенных в доме купца Оконишниковова. Этот дом находился по соседству от моего родного. Дом Оконишниковова был в аксёновскую пору детской клинической больницей имени Лепского. В пору моего детства – тоже. Я даже несколько дней пролежал там. Так что нам в кулуарах конгресса было о чём поговорить.

Отец Василия Павловича в качестве главы города начинал строить теперь широко известный Татарский академический театр оперы и балета, а моя мама артисткой хора проработала в этом театре сорок лет, и в его закулисьях прошло моё детство; своё первое художественное произведение – стихотворение о студентах – Аксёнов опубликовал в газете «Комсомолец Татарии» и даже получил специальный приз, а я там, в редакции, проработал ответственным секретарём пять с лишним лет; вспомнили мы также Лядской садик, омывающие город реки, где он, оказываясь, два раза тонул (об этом узнал позже), туберкулёзный диспансер, где теперь музей изобразительных искусств... Он же в Казани сто лет не был и о многих преобразованиях не знал.

Интересно всё-таки, жили в одном городе, ходили по одним и тем же улицам, только в разные времена!

И вот мы оба в одно время в одном месте – на московском конгрессе Международного ПЕН-клуба! Позже, в начале 2006 года, я позвонил ему из московского офиса Русского ПЕН-центра в Биарриц с новостью об открытии в Казани альманаха. Его это заинтересовало, он согласился войти в редсовет будущего издания, дал добро на публикацию двух рассказов – «Рыжего с того двора» и «Зеницы ока».

«Казанский альманах» №1 вышел в свет уже к концу года. Хорошо получилось: в посвящении «Рыжего с того двора» значилось имя друга детства Рустема Кутуя, а за рассказом мы дали сразу подборку стихов Рустема Адельшевича!

Василий Аксёнов выступил на одной из секций московского конгресса с большой лекцией. После мы опять пообщались. Меня интересовала судьба современного романа и мнение, что в наш динамичный век судьба этого неповоротливого жанра предрешена. Аксёнов, если кратко, сказал, что роман в исторической перспективе молодой жанр и будет ещё развиваться. В то же время – это серьёзный род литературы и предполагает серьёзного читателя, потому, быть может, и не совсем массового.

В 2007 году в Казани состоялся первый «Аксёнов-фест», организованный мэрией Казани. Земляка-писателя ждал на родине отреставрированный его дом, в котором он прожил не самые лёгкие годы жизни, который впоследствии стал музеем и культурным центром. С Аксёновым приехали его друзья – Белла Ахмадулина, Борис Мессерер, Евгений Попов, Александр Кабаков, Михаил Генделев, Михаил Веллер, Андрей Макаревич, Алексей Козлов... Торжественное открытие фестиваля состоялось в Татарском академическом театре оперы и балета им. М. Джалиля. В том самом театре, который в 1936 году начал строить отец писателя. Василий Аксёнов сказал со сцены: «Я первый раз попал внутрь оперного театра, хотя он сопровождает меня всю жизнь. Его начали строить, когда я был бэби. Мой папа...» Мог ли председатель горсовета Казани при закладке этого здания представить себе, что сын его будет в нём почётным гостем и говорить об отце при переполненном зале? Реальность закручивает такие сюжеты... специально будешь думать – не придумаешь!

А «Аксёнов-фест» из года в год продолжается, хотя Василия Павловича и нет уже с нами. Вот и на татарский язык перевели его произведения, связанные с родным городом. В «коммунальной квартире» под одной обложкой хорошо ужились рассказы Василия Аксёнова «Рыжий с того двора», «Зеница ока» и роман «Ленд-лизовские. Lend-leasing». Перевёл книгу молодой, талантливый татарский писатель Рустем Галиуллин. Авторы идеи сборника на татарском языке – народный поэт Татарстана Разиль Валеев и главный редактор журнала «Октябрь» Ирина Барметова. Организатором издания выступил мэр Казани Ильсур Метшин.

Может возникнуть вопрос: мы же все умеем читать на русском, зачем нам перевод на татарский язык? Ответ прост: книга Василия Аксёнова – это один большой рассказ о его детстве, юности и татарской столице – Казани. И как же не издать такое на татарском! И ещё. Если татарская литература со своим тысячелетним багажом полноценна, если в Татарстане на самом деле два государственных языка, то перевод прозы о Казани нашего писателя-земляка на исконный язык Земли Казанской, безусловно, необходим.

Возвращение писателя Василия Аксёнова на родину продолжается.

